

ПОЛИТИЧЕСКОЕ ПРОСВЕЩЕНИЕ ПЛЕННЫХ И БЕЖЕНЦЕВ В СОВЕТСКОЙ РОССИИ В 1918–1919 годах

И. Б. Белова

Калужский государственный университет имени К. Э. Циолковского

Поступила в редакцию 4 июня 2013 г.

Аннотация: *статья посвящена проблеме политической агитации среди бывших русских и вражеских военнопленных и беженцев Первой мировой войны. Автор показывает результаты эффективности агитационно-пропагандистской работы и дает оценку деятельности органов Центральной коллегии по делам пленных и беженцев на примере Центральные губерний Европейской России.*

Ключевые слова: *политическая пропаганда и агитация, Центральная коллегия по делам пленных и беженцев и ее местные органы, военнопленные и беженцы Первой мировой войны, мобилизация, Гражданская война.*

Abstract: *the article is devoted to the problem of political agitation among the former Russian and foreign prisoners of war and the refugees of the First World War. The author shows the results of agitation and propaganda among prisoners as a result of the activities of the Central Prisoners and Refugees Board's departments in the central provinces of the European Russia.*

Key words: *political propaganda and agitation, the Central Prisoners and Refugees Board and its local departments, prisoners of war and refugees of the First World War, mobilization, Civil War.*

Проблема политической агитации среди военнопленных русской армии, возвращавшихся из плена, нашла отражение в работе советского историка А. А. Малькова [1]. И. А. Жданова, освещая процесс возвращения русских пленных, констатирует, что большевистская власть пыталась превратить их в своих сторонников, не отвечая на вопрос, как она справилась с этой задачей. При этом автор считает, что благодаря агитационным и организационным усилиям большевиков русские военнопленные не выступили открыто и организованно против советской власти [2, с. 70]. Смоленский исследователь И. П. Щеров пришел к заключению об эффективности агитационно-пропагандистской работы культурно-просветительного отдела Центральной коллегии по делам пленных и беженцев (Центропленбежа) не только среди русских военнопленных, но и среди военнопленных вражеских армий и беженцев, превратившей их в сторонников и защитников советской власти [3, с. 215; 4, с. 76, 80].

В данной статье автор на основе анализа новых документов центрального и региональных архивов предлагает свою оценку эффективности культурно-просветительной работы Центропленбежа и его органов на местах среди вынужденных мигрантов Первой мировой войны: вражеских и русских военнопленных, а также беженцев.

После заключения Брестского мирного договора, в преддверии предстоявшего обмена военнопленными, 26 июня 1918 г. в составе Центропленбежа появился культурно-просветительный отдел (культпросвет), на который была возложена организация политической пропаганды и агитации среди возвращавшихся из плена солдат русской армии, начиная с пограничных пунктов, в пути следования, на узловых станциях, приемных пунктах [1, с. 191]. Отдел появился не на пустом месте, а в результате преобразования Всероссийского бюро военнопленных при военном отделе ВЦИК, созданного в январе 1918 г. для агитационно-пропагандистской работы среди иностранных и русских пленных. В результате политически надежные товарищи социалисты-интернационалисты из иностранных военнопленных были привлечены к установлению связи с лагерями русских военнопленных в Германии и Австро-Венгрии, куда доставлялась агитационная литература, направлялись подготовленные агитаторы [там же, с. 136], к озвучиванию идеи организации III Коммунистического Интернационала. ЦК РКП(б), руководивший работой по подготовке борцов за приближение победы мировой революции, считал политически подготовленных бывших вражеских военнопленных главным кадровым резервом для создания коммунистических партий в зарубежных странах [5, с. 20]. Военнопленные-интернационалисты приняли уча-

стие в Гражданской войне и агитировали за вступление в Красную армию своих беспартийных товарищей.

Приказом Центропленбежа № 112 от 4 сентября 1918 г. всем органам Центропленбежа на местах предлагалось образовать культпросветы, на которые возлагалось проведение политической агитации среди бывших военнопленных русской армии, возвращавшихся на родину, и беженцев, ожидавших реэвакуации, а также участие в привлечении указанного контингента к устройству сельскохозяйственных коммун, артелей для полевых работ [6, д. 4, л. 310]. Во главе организуемых культпросветов рекомендовалось иметь «партийных товарищей-коммунистов», так как главная работа отдела – политическая агитация. Путем агитации следовало добиться, чтобы «лозунги борьбы пролетариата и крестьянства за социализм, окончательную победу революции стали понятными людям, незнакомым с революционным движением» [там же, д. 4, л. 309; 7, д. 8, л. 53], но политическая обстановка к восприятию подобных лозунгов явно не располагала. По донесениям агитаторов (эmissаров, комиссаров, как они называются в документах) Центропленбежа, встречавших в августе 1918 г. на границе военнопленных русской армии, люди были голодны настолько, что «...при каждой остановке поезда ходили по путям и подбирали объедки, обгладывали валяющиеся кости, облизывали консервные банки...», на пограничных станциях отсутствовала баня, белье [8, д. 42, л. 30]. Эmissар Центропленбежа врач И. Сапиро докладывал, что в конце ноября – начале декабря 1918 г. картина движения военнопленных на станции «Смоленск» уже представляла собой сплошной «стихийный поток, вышедший из берегов железнодорожного канала». Кругом были больные, снятые в большом количестве с поездов [2, д. 42, л. 30].

В Брянск в ноябре 1918 г. прибывали из Австро-Венгрии через пограничные станции «Зерново» и «Унеча» до тысячи русских военнопленных в день. Их численность росла, среди них было много больных, все «оборванные, босые и голодные». Они обращались за помощью. В Брянск из Орловского губпленбежа прибыл заведующий отделом И. Аберберг. Он вынужден был констатировать, что Брянский пленбеж находился «в тисках полного безденежья», как и его представители на пограничных станциях, поэтому «теплого приема на родине» получиться никак не могло, так как ни одеть, ни накормить, ни обогреть пленных было нечем. Из Брянска многие военнопленные следовали в Орел, туда прибывали и военнопленные со стороны Курска. Распределительного пункта в Орле не было. Его отсутствие сильно затрудняло деятельность железной дороги, не говоря о положении и настроении военнопленных, несмотря на усилия агитаторов [10, д. 18, л. 169, 204, 249].

Говоря о настроении наших военнопленных, самотеком массово возвращавшихся на родину, начиная с ноября 1918 г., следует отметить, что в программе для агитаторов от 24 ноября 1918 г., разработанной Центропленбежем, имелось положение о том, что военнопленные не имели права предъявлять к советской власти «чрезмерные требования», иначе они будут «врагами трудового народа» [2, с. 70]. Стихийное массовое движение русских военнопленных закончилось в феврале 1919 г. по инициативе Антанты, установившей контроль над возвращением русских военнопленных из германских лагерей. В этих условиях согласие служить в Белой армии открывало нашим военнопленным путь на родину [1, с. 176].

В ноябре 1918 г. в связи с революционными событиями в Австро-Венгрии и Германии уполномоченные Центропленбежа не только встречали на западной границе возвращавшихся русских военнопленных, но и провожали бывших вражеских пленных, выступая перед ними с речами о мировой революции и отсылая в Москву отчеты о проведенных мероприятиях и резолюции митингов, например: «Выслушав о положении авангарда мировой революции, просим довести до сведения российского рабоче-крестьянского правительства, что, прибыв на родину, будем стараться установить советскую власть, дабы скорее грянул час, когда пролетариат всего мира соединится в единую мировую коммуну. Председатель митинга комиссар пленбежа Пупкевич» [8, д. 23, л. 194, 204, 206].

На беженских собраниях также предлагалось принимать аналогичные резолюции и направлять их в центр, например: «Мы верим в рабоче-крестьянское правительство, клянемся его активно поддержать... Да здравствует мировая революция!» [8, д. 23, л. 170].

В одной из центральных губерний Европейской России – Калужской культпросвет в губпленбеже был организован в июне 1918 г. Он непосредственно занимался политической агитацией как среди бывших вражеских военнопленных и беженцев города и уезда, так и среди русских военнопленных, которые временно оказывались в ночлежном доме или чайной, в регистрационном или питательном пунктах, открытых губпленбежем близ железнодорожной станции [11, д. 214, л. 56]. В арсенале культпросвета губпленбежа было два способа агитации: раздача литературы, присылаемой из Центропленбежа, и устройство собеседований и митингов для бывших военнопленных [12, д. 12, л. 100–100 об]. В ноябре 1918 г., в период массового стихийного возвращения русских военнопленных, орган губернской организации РКП (б) – газета «Коммуна» под заголовком «Кое-что о наших пленных» писала о «громадной» ответственности местных органов Центропленбежа, которым «нужно каждому пленному правильно осветить вопрос о положении

социалистической революции, чтобы в их лице не приобрести врагов для власти...», о том, что «для более целесообразного распространения идей коммунизма приглашены агитаторы для пленных» [13]. В одном из сентябрьских номеров газеты было напечатано обращение ко всем трудящимся гражданам-беженцам Белоруссии эmissара по делам беженцев товарища Васильева с оружием в руках защищать советскую власть: «Кому дороги завоевания революции, кому нужна свобода, земля и воля в Белоруссии, тот без малейшего колебания должен встать рядом со своим братом великороссом в ряды революционной армии и грудью защищать интересы революции» [14].

В уездных органах Центропленбежа (уездные коллегии по делам пленных и беженцев – уездпленбежи) культпросветы возникли в конце 1918 – начале 1919 гг., во время пика массового стихийного движения русских военнопленных [7, д. 8, л. 17]. Например, в самом крупном Жиздринском уезде Калужской губернии это произошло в январе 1919 г. Отдел состоял из одного работника-заведующего, который распространял агитационную литературу преимущественно среди бывших русских военнопленных, обращавшихся для регистрации. Практиковались и собеседования «по текущему моменту». В январе 1919 г. через Жиздринский пленбеж ежедневно проходили до 150 человек, к двадцатым числам февраля были зарегистрированы около 3,5 тыс. бывших русских военнопленных, и все были обеспечены агитационной литературой [12, д. 12, л. 92–92 об].

5 января 1919 г. было объявлено Всероссийским днем военнопленного, который рекомендовалось отметить праздничными митингами, концертами, выдачей пищевого довольствия в двойном размере, а также табака и, конечно, агитационной литературы [там же, д. 4]. На местах этот праздник переносили по несколько раз, например, в том же Жиздринском уезде – три раза, в итоге его отметили 2 марта, когда удалось получить кое-какие продукты, сократилось число прибывавших военнопленных и стало теплее. На праздничном митинге присутствовали около 200 бывших военнопленных, хотя рассчитывали на участие 400 человек. Выступал член уездпленбежа и председатель исполкома уездного совдепа. Затем бывших военнопленных пригласили на обед, раздачу табака, спичек, бумаги и агитационной литературы [там же, д. 4]. Накануне поступило 3 тыс. экземпляров брошюр, таких как «Сельская коммуна», «Программа коммунистов», «Что такое советская власть» и др. [там же, д. 4]. В остальных уездах губернии День военнопленного проходил примерно по такому же сценарию.

В 1919 г. на съездах уездных пленбежей заслушивались отчеты о культурно-просветительной работе. Так, на I Съезде уездных пленбежей в Калуге 20–21 февраля 1919 г. Боровский культпросвет, образованный

в ноябре 1918 г., кроме раздачи литературы и собеседований о «задачах русского пролетариата и крестьянства», к более «живой» работе по устройству митингов, коллективных чтений политической литературы, спектаклей не смог перейти из-за «недостатка лекторов и агитаторов». О невозможности организации митингов по этой же причине, а также по причине разбросанности людей по многим деревням, между которыми большие расстояния, говорили практически все представители уездных пленбежей. Перемышльский делегат добавил, что в уезде не до митингов, так как люди голодают, свирепствует тиф, поэтому прежде всего нужны медицинские работники, а не агитаторы [там же, д. 12, л. 87–102 об].

В Мещовском уездном пленбеже культпросвет не был организован, и о политическом просвещении возвращавшихся русских военнопленных на съезде не упоминалось, но для беженцев, на настроении которых «печально отразилась» их «непосвященность в суть происходящих политических событий», со слов докладчика, были организованы митинги. Для этого за неимением «свободных лиц» в уездпленбеже приглашали лекторов из уездного комитета РКП(б), которому перечислили 12,5 тыс. рублей. Представитель культпросвета Мосальского уездпленбежа товарищ Троцкий, с его слов, выезжал за пределы уездного центра для проведения митингов и собеседований с людьми по месту их жительства. Как часто он это делал, сколько людей собирал, сколько вопросов они ему задавали – обо всем этом выступающий не сказал, как и все остальные делегаты. Заведующий культпросветом губпленбежа назвал работу отдела (т.е. свою работу) по г. Калуге и уезду «протекающей успешно», но в остальных уездах – «хромающей» по причине «недостатка агитаторских сил». В резолюции съезда по этому вопросу политическая агитация среди пленных и беженцев была названа одной из главных задач уездных пленбежей.

Накануне съезда культпросвет губпленбежа разослал на места схему работы культпросветов. Согласно схеме *всех* пленных и беженцев следовало охватить политическим влиянием совместно с Комитетами бедноты, местными Советами и партийными ячейками. В схеме, в частности, предусматривалось:

- покрыть каждый уезд широкой сетью библиотек, читален, кружков для совместного чтения рекомендованной центром литературы;
- привлечь двух-трех агитаторов, которые, разъезжая по населенным пунктам, устраивали бы собеседования, лекции, митинги;
- раздавать агитационную литературу по месту жительства беженцев и бывших военнопленных, а не только при их обращении в коллегию;
- организовать школы политической грамоты для изучения целей и задач революционного движения,

привлечения беженцев и бывших военнопленных в Красную армию и трудовые коммуны;

– устраивать торжественные проводы со снабжением агитационными материалами беженцев, едущих в места, где «пока господствуют капиталисты и еще нет Советов» [6, д. 14]. В схеме также указывался перечень литературы: «Что дала рабочим и крестьянам Великая Октябрьская революция», «Слово русским рабочим и крестьянам», «Программа коммунистов», «Карл Маркс», «Что такое коммуна» (всего 14 названий).

Однако в апреле 1919 г. губпленбеж признал культпросветработу на местах «очень незначительной» и предложил упразднить культпросветы с возложением их функций на всех служащих уездных пленбежей, что и было выполнено. Кипучей агитационно-пропагандистской работы в уездах губпленбеж так и не обнаружил: не произошло ни всеобщего охвата политическим влиянием пленных и беженцев, ни совместных чтений, ни раздачи агитационной литературы по месту жительства, ни массовых торжественных проводов на родину, ни массового добровольного вступления беженцев и бывших русских пленных в Красную армию и в трудовые коммуны. Схемы остались на бумаге. В Воронежской губернии в марте – апреле работе уездных культпросветов среди пленных и беженцев давалась аналогичная оценка, признавалась практическая невозможность личного общения с указанным контингентом по месту жительства [7, д. 8, л. 55, 65]. Зато к этому времени прекратилось стихийное массовое движение военнопленных, так как отправка из Германии русских военнопленных по своему усмотрению занялась Антанта¹ [15, с. 733–734]. При этом культпросветы губпленбежей в апреле 1919 г. подверглись реорганизации, сопровождавшейся сокращением штатов, при сохранении за губпленбежами функции культпросветработы до конца 1919 г. [11, д. 214, л. 58]

Между тем политическая обстановка в 1918–1919 гг. в России характеризовалась резко отрицательным отношением крестьян, в том числе солдат, вернувшихся из плена, к военным мобилизациям. Вместо Красной армии многие из них вступали в вооруженные отряды, громили военные комиссариаты, убивали коммунистов и других советских работников [16, д. 13, л. 41–44 об.]. В волостях действовали аги-

таторы, распространявшие воззвания к населению, так называемые «летучки». Например, в Медынском уезде Калужской губернии имели хождение следующие воззвания: «Товарищи, граждане, погибает наша Родина – погибает с голоду. При царе Николае была у нас мука и каша, а при этом Совете и хлеба нет... не ходите в солдаты... за что мы пойдем на войну?...»; «Вы не выбирали Ленина...»; «Свободному – Ленин враг... Власть – народу, а не германскому шпиону...»; «И льется кровь братская». В вооруженном восстании в ноябре 1918 г. приняли участие 17 из 22 волостей уезда [17, д. 2, л. 263, 314]. Остальные граждане губернии безучастно отнеслись к воззваниям о записи в Красную армию [18, д. 67, л. 153]. Не секрет, что газеты, воззвания, плакаты охотно использовались «на папиросы и оклейку стен», о чем говорилось на различных совещаниях, когда речь шла об эффективности политической агитации [там же, д. 67, л. 157].

К 1919 г. дезертирство и укрывательство дезертиров повсеместно приняли такие размеры, что была учреждена специальная организация – Центральная комиссия по борьбе с дезертирством (Центркомдезертир), а на местах – окружные, губернские и уездные комиссии при военных комиссариатах, которым пришлось работать с большим напряжением сил, используя репрессивные методы. Члены сельских партийных ячеек выходили из них, чтобы не оказаться на фронте, и укрывали сыновей-дезертиров, что крайне возмущало народ, считавший, что война нужна не им, а только партии. Об этом писали в своих докладах партийные организаторы из губернских центров [там же, д. 69, л. 77; 19, д. 23, л. 43, 55 об.]. Боровский уездный военный комиссариат в июне 1919 г. направил в Калужскую губернскую комиссию по борьбе с дезертирством списки граждан, не явившихся по мобилизации, в том числе 57 человек, вернувшихся из плена, по Чубаровской, Серединской, Никольской волостям [18, д. 69, л. 156].

О тяжелом финансово-экономическом положении в центре Европейской России можно судить по телеграмме Касимовского совдепа Рязанской губернии от 22 июля 1918 г.: «В уезде свирепствует тиф, появились холерные заболевания... Нужна немедленная помощь врачей. Нет денег, нет хлеба, населению выдали последнее на два дня, беднота в волостях жнет преждевременно хлеб, спасите голодных... Несмотря на присылаемые сметы, кредитов открыто не было, приказано готовить армию против Чехословацкого мятежа, а содержать нечем. Обмундирования нет совсем. Срочно откройте кредиты военному и другим комиссариатам. Шлите врачей, обмундирование, хлеба, для больных рису...» [16, д. 13, л. 17].

Положение беженцев с лета 1918 г. стало просто катастрофическим: казенные беженские пайки были отменены, упразднены организации, занимавшиеся

¹ 15 января 1919 г. при продлении соглашения о перемирии между странами Антанты и Центральными державами в условия перемирия была включена дополнительная статья, согласно которой устанавливался непосредственный контроль стран Антанты над возвращением на родину русских военнопленных из Германии. Для этого была создана межсоюзническая комиссия, которую возглавил начальник английской военной миссии в Берлине генерал Эварт. При этом германское правительство взяло на себя обязательство не отправлять на родину русских военнопленных минуя эту комиссию.

оказанием помощи жертвам войны. Коренное население не хотело держать беженцев на квартирах, а продкомы – выдавать им продовольствие, которого на всех не хватало. При том, что эвакуация в 1919 г. была приостановлена на неопределенное время, беженцев упрекали за то, что они не уезжали, увеличивая число больных и голодных. Тяжесть положения беженцев признавали как все местные совдепы сверху донизу, так и местные органы Центропленбежа, не раз направлявшие в центр свои резолюции и просьбы решить вопрос о материальной помощи беженцам до эвакуации их на родину. Беженские ходоки и сами писали и ездили в Москву к товарищу Ленину, но всё было безрезультатно [12, д. 12, л. 92 об]. Организация сельских коммун из беженской бедноты всеми местными ведомствами была признана невозможной из-за отсутствия всех видов сельскохозяйственного инвентаря и семян [12, д. 13, л. 106–106 об].

Неудивительно, что в данных условиях попытки центральной власти, оставившей беженцев без реальной поддержки, превратить их путем политической агитации в сознательных сторонников и защитников советской социалистической республики, оказались практически безрезультатными: в Красной армии беженцы находились лишь по мобилизации. Уездные органы Центропленбежа информировали об отсутствии беженцев, желавших поступать на военную службу в советские полки, летучие отряды и другие воинские формирования [17, д. 13, л. 149; 18, д. 2, л. 144–145]. По отношению к частым мобилизациям ни беженцы, ни вернувшиеся из плена солдаты ничем не отличались от общей массы голодающего населения, хотя к бывшим русским военнопленным советское правительство отнеслось несколько лучше, чем к беженцам. Им дали право на получение жалованья за всё время нахождения в плену, продовольственного и вещевого довольствия, бесплатного лечения и протезирования, пособий по инвалидности. Правда, реализация этих прав давалась бывшим военнопленным очень и очень нелегко. Бывшие солдаты, как и беженцы, не выражали желания с оружием в руках защищать завоевания октябрьской революции, рабоче-крестьянскую власть и старались различными способами уклониться от воинской повинности, и большевистская агитация была здесь бессильна.

Попытка оживления агитационных мер воздействия на сознание возвратившихся бывших русских военнопленных и беженцев со стороны Центропленбежа и его губернских органов была предпринята летом – осенью 1919 г., когда части армий Деникина угрожали Москве. Выпускались листовки, в которых беженцев обнадеживали, что ждать отправки осталось недолго, так как советское правительство принимает все меры для облегчения участи беженцев, ведет трудные переговоры с буржуазной Польшей [6, д. 63;

18, д. 12, л. 5]. Бывших русских военнопленных призывали мстить бывшим генералам и помещикам: «Товарищи военнопленные! ... Помните, что Деникин и Колчак несут прежнее национальное угнетение и полякам, и украинцам, и сибирякам, и латышам... Мщением, беспощадной мстостью к насильникам и обманщикам, генералам и помещикам зажгетесь Вы, узнав, как одурманивал, как обманывал Вас наш общий враг... Военнопленные должны быть вместе с пролетариями Советской России!» [11, д. 20, л. 73].

По уездам рассылались циркуляры об оживлении культурно-просветительной работы, «необходимой и крайне важной по причине отсталости беженских масс и военнопленных в политическом развитии, что объясняется теми условиями жизни, в которых они находятся... только сознательное отношение к событиям, разыгрывающимся на глазах пролетарских масс, к которым принадлежит большинство пленных и беженцев, может служить залогом победы пролетариата России над многочисленными врагами, стремящимися подавить мировую заразу большевизма, мировой очаг революции – восставших русских рабочих и крестьян». Снова предлагалось поставить культурно-просветительную работу на «должную высоту» путем приглашения из уездкомов партии агитаторов для *постоянной* работы среди пленных и беженцев. На эту работу обещались «в скором времени» средства [6, д. 63; 12, д. 12, л. 2, 4].

К циркулярам прилагались инструкции по проведению агитационной работы, согласно которым один раз в месяц обязательно следовало устраивать митинги, два раза в месяц – поездки агитаторов по деревням и селам для бесед, а каждый проходящий в уездные пленбежи должен получать листовку, брошюру, плакат [6, д. 63]. Пленбежи продолжали раздачу партийной агитационной литературы прибывающим русским военнопленным: «Рабочая революция в 1905 г.», «Программа коммунистов», «Основной закон и социализация земли», «Свободная Америка», «Советский букварь для взрослых», «О союзе крестьян и рабочих», «О мятеже левых эсеров» и др. [12, д. 4]. Уездные пленбежи, получившие обещанный кредит, в ноябре–декабре 1919 г. впервые смогли организовать мероприятия (спектакли, танцы под духовой оркестр), ставшие последними, так как с 1 января 1920 г. губпленбежи освобождались от ведения политической агитации среди своего контингента.

Местные агитаторы отмечали контрреволюционное настроение сельского населения, большую вероятность возникновения восстаний и опасались за свою жизнь [19, д. 23, л. 43–75].

С начала 1920 г. подверглась реорганизации вся система Центропленбежа. Новая организация-преемник получила название Центральное управление по эвакуации населения (Центрэвак). Как видим, в на-

звании ни о пленных, ни о беженцах не упоминается. К этому времени основная масса бывших вражеских военнопленных и беженцев реэвакуировались, т.е. самостоятельно покинули территорию Советской России, а большинство военнопленных русской армии – лагеря военнопленных в Центральной Европе и возвратились в Россию, за исключением погибших от военных действий, эпидемий и голода.

Центрэвак периодически предлагал местным органам принимать меры к распространению среди пленных и беженцев советских газет, листовок, брошюр, для чего «требовать средства от местных культпросвет организаций» [20, д. 2, л. 151].

Таким образом, организация культпросвета Центропленбежа в июне 1918 г. была связана с предстоявшим возвращением на родину в соответствии с Брестским мирным договором военнопленных русской армии. Большевистскому руководству было безразлично, как военнопленные воспримут происходящее в России. На правильное восприятие советской действительности были направлены усилия агитаторов Центропленбежа, работавших с военнопленными от самой границы до станции назначения.

Культпросвет Центропленбежа стал преемником Всероссийского бюро военнопленных при военном отделе ВЦИК, созданного в январе 1918 г. для организации политической пропаганды и агитации среди иностранных военнопленных в России и русских военнопленных, находившихся в лагерях за рубежом. Однако абсолютное большинство вражеских военнопленных предпочли отъезд на родину в 1918–1919 гг. участия в Гражданской войне в России, приблизительно 7 % бывших военнопленных, по современным данным, приняли в ней участие, причем как на стороне большевиков, так и на стороне антибольшевистских сил.

Агитаторам Центропленбежа политико-воспитательную работу с возвращающимися на родину русскими военнопленными не лишне было начинать прямо на границе, так как в лагерях Германии и Австро-Венгрии велась антибольшевистская пропаганда. После приветственных речей и музыки в честь военнопленных агитаторы приступали к разъяснению политической и экономической ситуации в стране с возложением вины за происходящее на внутреннюю и внешнюю контрреволюцию, на борьбу с которой и брошены все силы коммунистической партии и трудового народа. Военнопленных уведомяли, что если они на стороне трудового народа, то не должны предъявлять к советской власти какие-то особые требования, учитывая сложность политического момента, иначе власть вынуждена будет поступить с ними как с врагами трудового народа. Одновременно агитаторы обнадеживали людей в том, что Советское государство не оставит их без поддержки и помощи, которую они получают по возвращении на места свое-

го проживания. Кроме того, бывшим военнопленным предлагалась служба, разумеется, военная в рядах Красной армии. На каждой железнодорожной станции военнопленные видели одну и ту же картину, в центре которой – эшелоны войск, военные грузы, охрана, на каждом шагу вооруженные патрули, проверки документов, досмотры, т.е. картина единого военного лагеря, подчиняющегося законам военного времени. Увиденное настораживало, свидетельствуя о серьезности момента, не подходящего для выражения недовольства и предъявления претензий к власти.

Под впечатлением от увиденного усиливалось основное желание всех бывших русских военнопленных, истосковавшихся по дому, – как можно скорее, нигде не задерживаясь, любым способом добраться до своего родного дома. Личные мотивы, сумма лагерных и дорожных впечатлений определяли и настроение русских военнопленных, увидевших через много лет свою родную страну, и отношение к новой власти. Несмотря на опасения большевиков, сотни тысяч русских военнопленных рассеялись по России, как в 1915 г. рассеялись несколько миллионов беженцев. Но это не означало, что они были готовы защищать новую власть. Добровольно в Красную армию они в массе своей не пошли.

В сентябре 1918 г. культпросветы были организованы в губернских органах Центропленбежа, несколько позже – в уездных. В распоряжении культпросветов губпленбежей была периодическая печать и агитаторы губкомов. Основной мотив агитационных выступлений – необходимость в рядах Красной армии защищать интересы пролетарской революции. Губпленбежами осуществлялся выпуск листовок, в которых возвращавшимся русским военнопленным рекомендовалось быть вместе с пролетариями Советской России и мстить бывшим генералам и помещикам. Беженцам разъяснялось, что их возвращение на родину зависит от успехов Красной армии. Параллельно в уездах распространялись антибольшевистские листовки и действовали нелегальные агитаторы.

Губпленбежи разрабатывали *схемы* работы для уездных культпросветов. Этих схем на местах не придерживались в силу их утопического характера. Например, предлагалось организовывать в уездах школы политической грамоты, чтобы изучать цели и задачи революционного движения, и это для страдающих от голода и эпидемий людей; привлекать беженцев, лишенных поддержки государства, и военнопленных, оказавшихся в условиях, не сильно отличавшихся от беженских, к активному участию в Гражданской войне на стороне большевиков; распространять агитационную литературу по месту жительства беженцев и военнопленных при отсутствии для этого средств передвижения. Уездным культпросветам предлагались *инструкции* по проведению си-

стематической агитационной работы с беженским населением и бывшими русскими военнопленными посредством приглашения агитаторов из уездных комитетов партии. Для воплощения в жизнь этих схем и инструкций не было условий и средств, в чем признавались сами работники культпросветов губернских и уездных органов Центропленбежа.

Агитационная работа на уездном уровне отличалась от губернского тем, что там не разрабатывали рекомендаций, циркуляров и схем, а просто распространяли агитационную литературу, в которой не было недостатка, и проводили политические беседы с возвращающимися русскими военнопленными. Митинги были редкостью из-за дефицита агитаторов и денежных средств. На уездном уровне агитационная работа, как правило, признавалась проверяющими незначительной.

Деятельность культпросветов при уездных организациях Центропленбежа была недолгой (она продолжалась всего несколько месяцев). В составе они имели как правило одного работника. После их упразднения, связанного с окончанием массового стихийного движения русских военнопленных, раздача литературы и проведение политических бесед снова стали обязанностью всех работников уездпленбежей. Разъезжать по деревням им было некогда, не на чем и опасно из-за антибольшевистских настроений, эпидемий тифа. Кроме того, в этом не было смысла, так как их нетрудоспособный контингент нуждался в медицинской и социальной помощи (а не в агитационных мероприятиях), а трудоспособный – был на заработках и постоянно находился в разъездах. Местные агитаторы отзывались о своей работе как о неэффективной, так как народ не переставал демонстрировать непонимание политического положения Советской республики, все время поднимая продовольственный вопрос.

В заключение следует отметить, что, несмотря на агитационно-пропагандистские усилия большевиков, осуществлявшиеся, в том числе и через систему Центропленбежа, основная масса вражеских военнопленных и беженцев самостоятельно покинули Россию до 1920 г. Большинство русских военнопленных, возвратившихся в Россию также до начала 1920 г., на призыв к вооруженной защите социалистического отечества не откликнулись и находились в Красной армии лишь по призыву. Приходится констатировать, что условия жизни, в которых находились пленные и беженцы в Советской России, оказали на них гораздо более сильное влияние, чем коммунистическая пропаганда.

Калужский государственный университет имени К. Э. Циолковского

Белова И. Б., кандидат исторических наук, доцент кафедры отечественной истории

E-mail: irina-25.01@mail.ru

Тел.: 8-905-640-51-43, 8(4842)74-50-32

ЛИТЕРАТУРА

1. Мальков А. А. Деятельность большевиков среди военнопленных русской армии 1915–1919 гг. / А. А. Мальков. – Казань, 1971.
2. Жданова И. А. Организация возвращения российских пленных в 1918–1919 годах / И. А. Жданова // Рос. история. – 2011. – № 4. – С. 63–72.
3. Щеров И. П. Миграционная политика в России в 1914–1922 гг. / И. П. Щеров. – Смоленск, 2000.
4. Щеров И. П. Центропленбеж в России : история создания и деятельности в 1918–1919 гг. / И. П. Щеров. – Смоленск, 2000.
5. Ватлин А. Ю. Коминтерн : идеи, решения, судьбы / А. Ю. Ватлин. – М., 2009.
6. Государственный архив Калужской области (ГАКО). – Ф. Р-337. Медынский уездное управление по делам пленных и беженцев. – Оп. 1.
7. Государственный архив Воронежской области (ГАВО). – Ф. Р-2136. Отдел о пленных и беженцах при Борисоглебском уездном исполнительном комитете. – Оп. 1.
8. Государственный архив Российской Федерации (ГА РФ). – Ф. Р-3333. Центральная коллегия по делам пленных и беженцев (Центропленбеж) Наркомата по военным делам РСФСР / Центральное управление по эвакуации населения (Центрэвак) НКВД РСФСР. – Оп. 2.
9. ГА РФ. – Ф. Р-3333. – Оп. 4.
10. Государственный архив Орловской области. – Ф. Р-378. Орловское губернское управление по эвакуации населения. – Оп. 1.
11. ГАКО. – Ф. Р-1498. Отдел управления Калужского губисполкома. – Оп. 1.
12. ГАКО. – Ф. Р-2019. Жиздринское уездное управление по делам пленных и беженцев. – Оп. 1.
13. Коммуна. – 1918. – № 122. – 31 нояб.
14. Коммуна. – 1918. – № 55. – 5 сент.
15. Документы внешней политики : в 22 т. – М., 1958–1992. – М., 1958. – Т. 2.
16. Государственный архив Рязанской области. – Ф. Р-4. Исполнительный комитет Рязанского губернского Совета рабочих, крестьянских и красноармейских депутатов. – Оп. 2.
17. ГАКО. – Ф. Р-1498. Отдел управления Калужского губисполкома. – Оп. 5.
18. ГАКО. – Ф. Р-526. Боровский уездный военный комиссариат. – Оп. 1.
19. ГАВО. – Ф. Р-1954. Новохопёрский уездный комиссариат по военным делам. – Оп. 1.
20. ГА РФ. – Ф. Р-3333. – Оп. 1а.

Kaluga State University after named Konstantin Tsiolkovsky

Belova I. B., Candidate of Historical Sciences, Associate Professor of the Native History Department

E-mail: irina-25.01@mail.ru

Tel.: 8-905-640-51-43, 8(4842)74-50-32